

7. Межведомственная программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (Национальная стратегия содействия становлению гражданского общества)». М., 2000.
8. Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма – Имфра. М. 1999. 664 с.
9. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки. 1996.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык. 1981.
11. Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык. 1993.
12. Современный словарь иностранных слов: СПб.: Дуэт. 1994.
13. Танган С.А. Высшее образование в перспективе XXI столетия // Педагогика. 2000. № 2. С.43-52.
14. Bennett M. J. Overcoming the Golden Rule: Sympathy and Empathy. In: Basic Concepts in Intercultural Communication: Selected readings. 1998. P. 191-214.
15. Bourget J. Development of Polycentric Consciousness: A Model for Multicultural Education. In <http://www.users.csbsju.edu/intercul/index/html/>.
16. Gudykunst W.B., Y.Y. Kim. Communicating with Strangers. Boston. 1997. 444 p.
17. Hornby A.S. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press. 1983. 769 p.
18. Howell W. The Emphatic Communicator. In: International Journal of Intercultural Relations. 1982. № 13. p. 269-286.
19. Martin J., Nakayama T. Intercultural Communication in Contexts. Second Edition. Lnd., 2000. 363 p.
20. Maruyama M. Towards a Cultural Futurology. Paper presented at the annual meeting of the American Anthropological Association, published by the Training Center for Community Programs. University of Minnessota, Minneapolis. 1970.
21. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House. 1989. 2078 p.
22. Wendt J. D.I.E.: A Way to Improve Communication. In: Communication Education. 1984. № 33. P. 397-401.

*Ирина Евгеньевна Видт —
доцент кафедры общей и социальной
педагогики Тюменского
госуниверситета, кандидат
педагогических наук*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Современный поликультурный, полихронный мир ставит перед человеком сложнейшие задачи рефлексивного поиска социо-культурных, экономических и политических основ социальной, духовной и экологической гармонии. Потрясения 11 сентября 2001 года обнажили проблему сосуществования культур различного типа на карте планеты. Принципиальным моментом для гармонизации отношений является возведение толерантности в статус социальной ценности, осевой нити политики всех государств и народов, заинтересованных в сохранении социо-культурной гармонии. Именно поэтому на всех уровнях — от школьного урока до научных конференций — стала подниматься проблема толерантности и межкультурной компетентности. Однако чтобы выработать стратегию, способную возвести толерантность в статус об-

щественной ценности, «одеть ее в методико-педагогические одежды», необходимо сначала «свести информационные поля» на предмет самого понятия «толерантность», т. к. оно вошло в жизнь достаточно недавно, и автору этих строк еще пять лет назад приходилось на достаточно высоком уровне доказывать целесообразность данного термина в концепции, написанной для одной из школ города Тюмени.

Толерантность как способность к пониманию ИНОГО, как свойство, позволяющее «другому быть другим», не имеет ничего общего с пассивной позицией в условиях некой трудности. Это не терпение как вынужденное созерцательное переживание актуальных условий, которые не устраивают субъекта. К сожалению, приходится уточнять смысл понятия, т. к. часто в «живом» общении с аудиторией возникает такая семантическая проблема. Уточним также и то, что мы имеем в виду социокультурную толерантность, т. е. свойство субъекта или социума воспринимать другого субъекта или другой социум с позиции «прав человека», с позиции признания за ними права быть другими.

Итак, всегда ли человек в своем историко-культурном развитии обладал толерантностью как свойством принимать иное «не в штыки», а как достойное, как имеющее право на существование?

Первый этап в культурогенезе, который проживают или проживали все народы, номинируется культурологами как традиционная, или архаичная культура. Способом социальной организации для архаичных культур был род или этнос. Коллективно-родовой тип сознания субъекта архаичной культуры способствовал восприятию социального мира по принципу «мы–не мы» (Агеев). Локальность и самозамкнутость архаичных культур порождали отношение к иному как к опасности, а значит, формировали, с одной стороны, дух коллективного единства «мы», с другой стороны, — образ врага, который «не мы». И формировали враждебное отношение к соседним племенам (Гумилев). Таким образом, период родо-племенных отношений не имел в системе ценностей такое свойство, которое мы сегодня подразумеваем под толерантностью.

Следующий этап историко-культурного развития человечества — этап индустриальной культуры — породил в качестве социальной формы самоорганизации государство, которое объединяло в своих границах различные страты, как этнически-национальные, так и профессионально-цеховые или классовые. Это период национальной самоидентификации, поиска своего места на мировой карте. В историческом аспекте период с XVII по XX вв. — это период межгосударственных войн, мирового разделения по принципу «наши–чужие». Локальность архаичного мира разрушилась и сменилась высокой социальной динамикой индустриального, и необходимость «отстоять свою национальную самоидентификацию» решалась в условиях конкуренции. Сюжет в истории науки с Г. Шлиманом ярко показывает, как паллиативная культура боролась за свою «самость» с «соседями по планете»: читатель помнит, что в отечественных учебниках истории Шлиман назывался «русским археологом», в американских — «американским», в немецких — «немецким». А оказалось, что каждая из стран упоминала только ту часть правды, которая была ей выгодна. На самом деле, правы и не правы все, т. к. Г. Шлиман — легендарный археолог, открывший Трою, в 42 года увлекшийся археологией и поступивший в Сорбонну, просто имел богатую биографию: немец по рождению, имевший российское и американское подданство, по праву может считаться «гражданином мира». Но ментальность дифференцированной культуры индустриализма не позволяла этого признать. Таким образом, период национальной самоидентификации, массовой дифференциации как в научном, так и в социальном плане тоже не способствовал формированию толерантности как социальной ценности.

Во второй половине XX века в сценарии человеческого развития появляется «третий акт»: обществоведы констатируют факт наступления постиндустриальных реалий. Принципиально новыми явлениями в это время становятся массовые коммуникации и неосинкретизм во всех областях: возникновение новых наук, искусств, профессий и т. п. «на стыке» имеющихся ранее различных наук, профессий и т. п.; появление межгосударственных организаций и предприятий различного плана — от ЮНЕСКО, ООН до фирм «Марс» и «Кока-кола»; объединение валют в европейском союзе; международные браки и т. п., и т. п. Все это усугубляется наличием глобальных проблем, решение которых связано с приложением международных усилий: от экологических катаклизмов до решения космических проблем. Вот здесь человечество и сталкивается с «тесным», полихронным миром культуры, с различными социальными структурами, обладающими уникальной и своеобразной ментальностью. Проблемы мирового масштаба должны решать совместно люди с «загадочной русской душой» и «английской чопорностью», «американской практичностью» и «азиатской мудростью». . . . Формой социальной организацией должно стать гражданское общество и международные союзы.

Но проблема состоит в том, что полихронный мир «вывел на мировую арену» субъектов различного культурного возраста: так, талибанская архаичная культура по принципу «мы — не мы» уничтожила статуи Будды; некие силы заявили о том, что варварские события 11 сентября — это месть Америке, трансформированный вариант кровной мести, что в духе родо-племенных отношений является святым деянием.

С другой стороны, поведение США на мировой арене — от позиции на Балканах до позиции на последней олимпиаде — это образец подросткового поведения, периода самоидентификации.

Атрибуты толерантного поведения проявляют пока только европейцы и то избирательно. Россия — гиперполихронное пространство, здесь смешались представители всех культур как в этническом, так и в антропологическом плане. Поиски национальной самоидентификации перемешиваются с желанием и потребностью быть гражданами мира. Поэтому в политике и в общественном мнении подчас соседствуют диаметрально противоположные позиции. Ясно одно: в полихронной, поликультурной России нет места унифицированной идеологии. Призывы найти «национальную идею» или «основы духовности в православии» (почему, скажем, не в мусульманстве?) — это атрибут мышления в логике дуальной оппозиции, или по принципу «мы — не мы», что необходимо квалифицировать как вариант экстремизма. Известную формулу графа Уварова «Самодержавие, православие, народность», которую ныне пытаются поднять в виде национального флага, можно, как пишет В. В. Краевский, в современных условиях понимать так: «Авторитаризм, клерикализм, национализм» [1, с. 20].

Как видим, толерантность — явление новое в культурном смысле, а потому человечеству еще многому предстоит научиться. Социальная гармония — не в унифицированном идеологическом знаменателе, а в эволюции отношений между представителями различных культур на основе признания многоликости, поливариантности самовыражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краевский В. В. Интеллигентность как цель и содержание образования // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева. СПб., 2001.

